

СТАЛИНИЗМ И ТЕОРИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МАТРИЦ

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович - доктор исторических наук, профессор.

Истоки болезненных трансформаций российского общества последних лет не в революции 1917 г. и не в сталинской "революции" 1930-х годов [1]. Скорее, их основа - вышедший из 1941-1945 гг. послевоенный сталинизм. Исполняющееся в этом году пятидесятилетие начала демонтажа сталинизма в СССР, сопровождающееся вниманием СМИ, оправдывает обращение к этой дате в рамках социологического знания. К сожалению, журналисты и широкая публика плохо представляют это время: документы долго были недоступны исследователям, учебники излагают идеологизированные легенды, многое замалчивалось. Едва ли оправдано, например, считать сохранение позитивных представлений о сталинском времени в сознании россиян 1990-х гг. "расстройством памяти" [2]. В последнее время положение меняется, не в последнюю очередь благодаря публикациям архивных документов и социологически актуальных исследований (они используются в данной статье) [3]. С выпусками серии "Документы советской истории" наш журнал знакомил читателей [4]. Особо ценен в связи с нашей темой очередной том этой серии [5]. Он делает доступными документы Политбюро ЦК ВКП(б) (с октября 1952 г. - Президиум ЦК КПСС), Совета Министров СССР за время от конца второй мировой войны до смерти Сталина. В объем 53 печ. листа вошли документы по рубрикам: 1. Высшие органы партийно-государственной власти: структура, функции, руководители. 2. Механизмы согласования и принятия решений. 3. Сталин и окружение. 4. Заседания органов партийно-государственной власти страны (повестки дня). Воспроизведено функционирование высшего уровня власти в стране, дополняя известные работы Е.Ю. Зубковой [6].

Обретая новую роль в обществе, российским социологам следует избегать отмеченного Н. Элиасом "ухода социолога в настоящее" [7] - анализ современности вне связи с прошлым. Историческая социология предлагает, по меньшей мере, два выхода из такой ситуации. Во-первых, выявление "горизонтов повседневности" (Н.Н. Козлова) власти СССР: обнаружение в ее практиках социально-структурирующего начала [8, с. 16], вхождение страны, ее граждан "в современность", отношения государства и индивида, судьбы гражданского общества и др. [8, с. 214]. Во-вторых, более обобщенные - теоретические интерпретации проблем власти в нашем отечестве в прошлом и настоящем. Но для анализа этих проблем необходимо обратиться к эмпирическим данным о "повседневности", раскрытых в опубликованных документах и исследованиях.

СССР тех лет ускоренно шагал в "современность" (modernity). После победы над фашизмом власть форсировала восстановление хозяйства, прежде всего индустрии. В 1952 г. по сравнению с 1946 производство чугуна выросло с 9,9 до 25 млн. тонн в год, стали - с 13,3 до 34,5, добыча угля со 164 до 300,9, нефти - с 21,7 до 47,3 млн. тонн [5, с. 366]. Армия перевооружалась. "Левша" М. Калашников создал знаменитый автомат АК-47. Осуществлялся "атомный проект" [9]. И.В. Курчатов за атомную бомбу получил премию в миллион рублей и другие блага [10]. Создавались новые самолеты, ракеты-носители, атомные подводные лодки и др. Строились сотни предприятий с миллионами работников и приоритетным обеспечением. Требовалась масса "кадров", урбанизация шагала вперед, деревня безлюдела. Горожанам власть дала дешевые коммунальные услуги, транспорт, после 1947 г. - снижения цен раз в год. Все это - восходящая мобильность. Бегство из деревни, часто от голода, тогда значило много: среднегодовая зарплата рабочих и служащих в 1948 г. была 7228 руб., а в колхозах 1133 [5, с. 402] - но часто там этих денег не видели.

Часть демобилизованных, партийцы и комсомольцы с высшим и средним образованием, имели шанс карьеры в гражданской жизни. В вузы участников войны принимали вне конкурса. Бывших офицеров-коммунистов секретариат ЦК направлял на комплектование разворачивавшихся органов дипломатии, внешней разведки, в науку [11]. Росла подготовка специалистов со средним и высшим образованием. За послевоенную пятилетку средние школы охватили обу-

чением 20 миллионов человек. Количество студентов вузов на 573,4 тыс. превысило наметки пятилетнего плана; на 787 стало больше научно-исследовательских институтов [12].

Формировались новые нации. Решалась задача, поставленная Сталиным: превзойти достижения науки за рубежом [13, с. 14]. Громко звучали претензии СССР - не говорим об их обособленности - на лидерство, приоритет, роль образца в мировых процессах. Подготовленная в 1947 г. программа партии уверенно (проверить было нельзя, приходилось верить) говорила о коммунизме и крахе империализма [14]. Коммунизм как будущее мира выступал своего рода вариантом глобализации. У страны появились новые друзья и союзники. В конце 1952 г. Сталин подвел итог: "Мы теперь... мировая держава" [5, с. 95; см. также 15]. Потенциал страны создал притяжение советскому примеру. Все это отразилось в памяти людей.

Динамичные перемены не обошли стороной высшую власть. Сталин понимал важную роль субъективного фактора - воля, напор, способности, умения, знания; еще до войны выдвигал вперед людей с высшим образованием. Тогда же вывел формулу: "Литература, партия, армия - все это организмы, у которых некоторые клетки надо обновлять, не дожидаясь того, пока отомрут старые. Если мы будем ждать, пока старые отомрут, и только тогда будем обновлять, мы пропадем, уверяю вас" [16]. В январе 1953 г. отделу ЦК ставится задача: двигать вверх молодых, с высшим образованием [5, с. 96]. 27 октября 1952 г. на Бюро Президиума ЦК Сталин требовал: "...вовремя выдвигать молодежь на руководящую работу. У нас много способной молодежи, но мы плохо знаем молодые кадры. Сколько людей загубили из-за того, что вовремя не выдвигали..." [5, с. 94]. Едва ли прав П. Судоплатов, видя в перемещениях "наверху" после войны стремление Сталина к превосходству над соперничающими группировками, консолидации власти, ослабшей за годы войны [17, с. 321]. Практика ротаций кадров заставляла работать интенсивней.

В годы войны по-разному показали себя не только маршалы и генералы, но и министры, секретари компартий союзных республик, краев, областей, включая тех, кто были членами военных советов фронтов, армий, флотов. В 1946 г., в меньшем масштабе в 1949 г. зарекомендовавшие себя были выдвинуты в центр. Сталин следил за ними: как-то сказал П.К. Пономаренко: "Получите новое назначение. Я об этом позабочусь" [18, с. 148]. Состав высшего руководства был резко обновлен [5, с. 89] в октября 1952 г. (после смерти Сталина это обновление "аннулировали"). Была поставлена задача (не выполненная) в течение 3-4 лет переобучить весь партийный и советский аппарат [19, с. 1020]. Динамизм экономики, социальной мобильности, рост урбанизации и образованности запечатлелись в памяти тех, кого затронули эти перемены. К ним тезис о расстройстве памяти едва ли применим.

Динамизм и результативность послевоенной политики, однако, имели существенные ограничения: рано или поздно они должны были сказаться. Первое среди них - исключительное положение Сталина в механизмах управления страной. Сталин был "Партией", "ЦК ВКП(б)", "Политбюро" и "Правительством" [5, с. 259, 358]. От него тянулся всесторонний, многоуровневый контроль, велось наблюдение персонально за каждой структурой аппарата, прежде всего, центрального. Вождь расширил круг непосредственных занятий ("после войны пришлось пойти вглубь по гражданской части" [5, с. 45]) финансовой реформой, коммунистическим движением в лице Коминформа [отражено в издании документов - 20], дипломатией, разведкой, новой военной техникой. Новым для Сталина стал главный противник: не Англия, а США [5, с. 360]. Разобрался с друзьями: есть указание "тов. Сталина болгарам не отказывать" [5, с. 112], пишет министр иностранных дел А.Я. Вышинский руководителю секретариата Сталина А.Н. Поскребышеву. Но работоспособность вождя по мере старения снижалась, круг занятий сужался, вопросы решались с запозданием, сдерживая динамизм развития.

Жестким был стиль управления государством, работы аппарата, соответственные мотивации людей. Какое-то время был подъем в связи с победой. Во время голода 1946-1947 гг. Маленков требует "создать настоящее большевистское напряжение в работе по хлебозаготовкам" в Сибири [5, с. 226]. Угрозой новой войны оправдывали предельную жесткость и жестокость. "Не будет ли в скором времени война?" - задавали вопросы на партактивах 1946 г., обсуждавших меры в связи с неурожаем [5, с. 214]. СМИ постоянно держали перед глазами образ врага: "Лихорадочно готовясь к новой мировой войне, они усиленно засылают в тыл СССР..."; "шпионы и террористы, по заданию и под руководством американской разведки, развернули свою подрывную деятельность на территории Советского Союза" и т.п. [5, с. 392, 393].

То, что напряжение войны и послевоенных лет многим укоротили жизнь, - медицинский факт. Документ Минздрава СССР 1947 г. констатирует: "Анализ данных о состоянии здоровья руководящих кадров Партии и Правительства показал, что у ряда лиц, даже сравнительно молодого возраста, обнаружены серьезные заболевания сердца, кровеносных сосудов и нервной системы со значительным снижением трудоспособности. Одной из причин указанных заболева-

ний является напряженная работа не только днем, но и ночью, а нередко и в праздничные дни..." [5, с. 399]. Амортизация коснулась окружения Сталина: вышли из строя члены Политбюро ЦК А. Жданов, А. Андреев, К. Ворошилов, член Оргбюро ЦК Л. Мехлис, министры И. Носенко, Л. Соснин и др.

В набор стимулов входила система поощрений: награды, спецпайки, спецмагазины, особое снабжение актива и т.п. Суды чести (не исключая Совета Министров СССР и ЦК партии) служили "воспитанию" и наказанию работников центральных учреждений [5, с. 132, 213, 214]. Если не работали контроль, массированная пропаганда, критика и самокритика, в ход шли угрозы, наказания.

Г. Спенсер тип организации власти, реализованный Сталиным, называл государством "военного" типа. После уроков 1941 г. мобилизационной готовности уделялось повышенное внимание. Держать страну в таком состоянии Сталин (и его преемники) не могли бесконечно долго. Неизбежно возникал вопрос о смене сущности и рамок такой политики.

Не могли бесконечно долго оставаться подспудными и другие тенденции, которые в итоге похоронили СССР. Перечислим некоторые из них. Без Сталина не могло не выйти наружу "сопротивление и со стороны партийных руководителей на местах и со стороны хозяйственных руководителей в проведении целого ряда мероприятий", сопротивление министров "новой форме воспитания интеллигенции", введенной Сталиным, межведомственные конфликты [5, с. 240]. Многозначительно упоминание в личных бумагах Л.З. Мехлиса "борьбы центра и мест" (февраль 1947 и начало 1948 г.) [21] за ресурсы. Вставал вопрос места партии во властной системе. Рост и дифференциация экономики требовали оптимизации управления хозяйством страны. Наряду с Советом министров, Верховным советом, Госпланом, министерствами, бюро ряд неформальных групп, в партии и госаппарате (возглавлял их сам Сталин и его близкие) контролировал работу хозяйственных ведомств. Несколько раз перестраивались структуры партии и правительства. Пробовали создавать 6-7 бюро ЦК ВКП(б) по крупным регионам страны, новые области и т.п. Ряд звеньев были неповоротливы: "Вопросы, касающиеся подготовки к весеннему севу, нужно рассматривать быстрее... 2-3 дня", а их решали 10 дней, до месяца, когда уже было поздно. В начале 1939 г. было 34 наркомата (с 1946 г. министерства), к 1952-му их стало 52 плюс 29 главных управлений и комитетов, некоторые из них размерами превосходили министерства [22]. Соответственно рос и размах бюрократизации, которая без Сталина не могла не пытаться расширить свое жизненное пространство.

Отношения Сталина к окружению (потенциальным преемникам) таили потенциал дестабилизации в верхах. Без Сталина стали неизбежными серьезные подвижки в верхних эшелонах власти. Прав генерал МГБ П.А. Судоплатов: "...скрытые мотивы и амбиции в конце 40-х - начале 50-х годов играли гораздо более важную роль, чем казалось в то время и кажется сейчас" [17, с. 333] (как не вспомнить роль амбиций в противостоянии Б. Ельцина с М. Горбачевым?). Сталин мог действовать напрямик, перемещать, переподчинять, ставить приближенных в разные положения друг к другу. Предложение сделать Н.А. Булганина маршалом мотивировал так: "... думаю, что мотивы моего предложения не нуждаются в комментариях - они и так ясны" [5, с. 249]. Ставя 29 октября 1949 г. Маленкову задачу снять с поста секретаря ЦК и МК партии Г.М. Попова, Сталин приводит аргумент: "подменяет министров, правительства, ЦК ВКП(б)". И продолжает: "...Какие еще недостатки вскроются в ходе проверки, я не знаю, но указанные выше основные недостатки для меня уже теперь очевидны" [5, с. 324]. Был арбитром в стычке [5, с. 167-182]. Молотова и Кагановича в оценке работы железных дорог. Резко оценивал Молотова [5, с. 198]: "Молотов не очень дорожит интересами нашего государства и престижем нашего правительства... не могу больше считать такого товарища своим первым заместителем" (6.12.1945). И Микояна тоже (4.10.1946): "никакого доверия не оказывать в этом деле т. Микояну, который благодаря своей бесхарактерности расплодил воров вокруг дела снабжения" [5, с. 224].

"Дел" и расправ стало меньше, чем в 1930-е годы. Их не афишировали из соображений противостояния с империализмом. "Ленинградское дело" 1949 г., когда к высшей мере наказания приговорили 23 человека, велось в глубокой тайне. В репрессиях Сталин не был однообразен. Г.К. Жукова убрал, но не уничтожил. Хрущев, как считает он сам, повлиял на решение Сталина не репрессировать Г. Попова. Когда Хрущев допустил ошибку с сселением колхозов, жаждавшим крови Хрущева Сталин заметил: "Надо помягче. Смягчить" [23, с. 362]. В обвинениях главы МГБ Абакумова (июль 1951 г.) фигурировали [5, с. 345] преступления против партии и Советского государства. Но В.С. Абакумова расстреляли в 1955 г. "Мингрельское дело" (1951-52), инициированное сведениями, "что в Грузии сильно развито взяточничество", руководители районов обирают колхозы, а ЦК компартии Грузии - "бесхребетный" и во всем виноваты мингрелы [5, с. 349-350; подробнее - 24], привело к арестам 37 руководящих работников, высылке бо-

лее 10 тыс. человек. Л. Берия (ему, мингрелу, Сталин поручил это дело) нашел изменников. Они якобы "намеревались захватить власть в компартии Грузии и подготовить ликвидацию советской власти в Грузии, рассчитывая при этом на помощь со стороны зарубежных империалистов" [5, с. 353].

Сталинское время с нашим настоящим связывают и другие черты власти Сталина. Склонность его к секретности известна. Усиление тенденции "секретить" документы демонстрирует такой факт: с 1948-1949 г. даже совершенно секретные протоколы заседаний бюро Совета министров СССР и Политбюро ЦК партии перестали фиксировать пункты повестки дня. До сих пор по этой причине сохранились трудности введения в научный оборот документов: о внешне-экономических связях, военно-техническом сотрудничестве со странами народной демократии, войне в Корее, расходах на вооружения и др. В документе Политбюро по делу руководителя Госплана Н.А. Вознесенского перечислены потерянные 236 секретных и совершенно секретных документов [5, с. 281]. Лишь некоторые из них содержали государственные тайны в современном понимании. Но: "Нет гарантии, что пропавшие документы не попали в руки агентов иностранных разведок" [5, с. 293, 299, 300], - делался вывод, равнозначный приговору.

Скрывали все. Строго дозировалась информация, направлявшаяся руководителям разных уровней. Стал невозможным анализ реальных эмпирических данных. "Каждый член Политбюро мог знать то, что касалось его непосредственно", - отмечают составители тома "Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945-1953" [5, с. 11]. В результате знания советских руководителей об объектах управления были функциональными, техническими. Так информировали по проблемам внутренним. Информированных по международным вопросам было еще меньше. Всякий раз, отмечает разведчик П. Судоплатов, встречаясь с Игнатьевым, я поражался, насколько этот человек (на тот момент министр госбезопасности, бывший много лет секретарем обкома, зав. отделом ЦК, будущий член его Президиума. - *Н.П.*) некомпетентен [17, с. 315]. Определенные документы читал только Сталин: "Весьма секретные материалы МГБ с надписью "только вскрыть лично" министры (ГБ) направляли прямо т. Сталину без вскрытия их в Особом секторе ЦК" [5, с. 188]. Последствия для общества были катастрофическими. Оставшаяся после Сталина группа руководителей не владела нужной информацией не только о ситуации вокруг СССР, но и о машине управления страной и объекте управления, полученном в наследство. В действиях Хрущева это сказывалось особенно рельефно.

Боязнь Сталина открыть вероятным противникам (и шатким союзникам) данные о положении СССР была напрасной. Аналитики в США подсчитали точно материальные и людские потери СССР в войне. Не были для них секретом слабости СССР. Дж. Кеннан в июле 1947 г. в наделявшей много шума в США статье за подписью "м-р X" [ее запомнил Судоплатов - 17, с. 243] заключал: "В недрах Советского Союза спрятаны элементы, которые за одну ночь могут превратить, изменить состояние этой страны от нынешней мощи до крайней слабости". Кеннан сожалел, что не акцентировал и слабость позиций Советского Союза в Восточной Европе [25, р. 357-358].

Засекреченность данных не позволяла ученым оценить, например, положение в сельском хозяйстве. В Советском Союзе, претендовавшем на передовый колхозный строй, по совершенно секретным в то время данным, питание было крайне нерациональным: потреблялось меньше нормы молока, мяса, яиц, овощей, сахара; значительно больше - хлеба и картофеля. На фоне сообщений СМИ об успехах сельского хозяйства, о решении зерновой проблемы урожайность зерна (в амбарах) составляла 8,6 центнера с гектара [5, с. 390]. Ветеринарный техник Холодов в письме Сталину (1952 г.) описал деградацию колхозов Московской области, добавив, что [5, с. 375] "такая же картина и в ряде районов Владимирской, Рязанской, Курской и Воронежской областей". Колхозы этих регионов России жили так: сеют чуть ли не до зимы; при уборке колосальные потери, собирают меньше, чем посеяли; пастухов колхоз не нанимает, - денег нет; в земле остается больше половины картофеля; навоз из скотных дворов не вывозят за неимением людей. Даже в райцентрах хлеб можно купить (автор пишет - достать) до обеда и то не всегда. Колхозы держатся на женщинах; мужчины стремятся работать в других местах; молодежь из колхозов бежит. За попытки критики наказывают. Автор письма указывает причину такого положения: "идеализм вместо материализма". Труд колхозников фактически не оплачивался [5, с. 378]. Проблема не только требовала решения, она в совершенно ином свете представляла социально-экономический строй страны.

Данные по ряду республик показывали упорное сохранение - несмотря на преследования - альтернативной экономики. В Узбекистане, как информировали Сталина, "объединенные артели и банды" захватили рынок, "спекулянты, перекупщики, пригородное кулачество и торговая буржуазия" взвинтили цены на продукты первой необходимости в 2,5-3 раза против государст-

венных (при попустительстве милиции). Государственная торговля перед ними полностью капитализировала [5, с. 368, а также 26]. Система взяток, экономически близкая к оброку и барщине, сложилась в Грузии [5, с. 351, а также 27, 28]. На Украине в 1946 г. [5, с. 214] колхозники, не получая продуктов на трудодень, переставали работать и, "используя колхозы как ширму, занимаются спекуляцией, воровством, самогеноварением". Предложенные в 1948 г. Хрущевым для преодоления этой тенденции репрессивные меры [5, с. 251, 256] коснулись 47 тысяч человек.

К концу жизни Сталина на поверхность вышла еще одна - кроме разрухи в деревне и нехватки продовольствия в городах - тревожная черта экономики. Объемы незавершенного строительства в денежном выражении (на 1 октября 1952 г.) почти сравнялись (90%) с капиталовложениями в строительство новых предприятий и именно в отрасли, которые выделял Сталин. Особо неэффективными были стройки, осуществлявшиеся МВД - заключенными. Даже консервация этих объектов требовала огромных затрат [5, с. 371]. Труд людей, предприятий, ресурсы страны пускались на ветер.

Симптоматичны и взаимоотношения власти с народом. Было открытое сопротивление; на западе страны фактически шли военные действия. Повстанцы в Литве, Латвии, Эстонии насчитывали около 170 тысяч активных участников; здесь было раскулачено и выслано 260 тысяч человек. На западе Украины в одной лишь операции, потребовавшей свыше 40 000 военнослужащих МГБ [17, с. 242, 243, 247], выселили 77 806 человек, 26 644 семьи. А еще были Северный Кавказ, Молдавия, Крым и сопротивление в странах народной демократии. Есть и другие данные о протестах, сопротивлении, недовольстве. Правда, масса народа, солдаты Великой Отечественной не ставили под сомнение легитимность вождя. Война кончилась, и многие, сняв шинели, остались солдатами, работая по формуле: приказ - исполнение. "Хороший пленум, не возражает", - бросил Сталин член ЦК ВКП(б) в марте 1946 г. [5, с. 27].

Характерен и такой факт: письма из низов руководству страны подобны традиционным челобитным. Народ часто безмолвствовал, молча, покорно исполнял волю вождя. Осенью 1946 г. в условиях надвигавшегося голода в стране прошли собрания партийных активов. Сводная записка членам Политбюро по их итогам выделяет следующие моменты: одобрение мер, принятых правительством и партией; обилие вопросов; много говорили о недостатках в торговле, борьбе со спекуляцией, о повышении производительности труда, привлечении неработающего населения на заводы и фабрики. Критиковали торговые и снабженческие организации предприятий, недостатки с выдачей продовольственных карточек, органы милиции, прокуратуру и суды. Часто "в прениях никто не выступал", "выступлений коммунистов было мало", "собрания партийных активов прошли вяло, неактивно", "из президиума поступило предложение прений не открывать", "прений не открывалось, не задавали вопросы" [5, с. 215, 216, 221] и т.д. Молчалимие встретили коммунисты и закрытое письмо ЦК от 2 апреля 1952 г. "О задачах колхозного строительства в связи с укрупнением мелких колхозов" [29], связанное с предложением Н.С. Хрущевым сселять мелкие колхозы. С другой стороны, активностью коммунистов, недовольных положением дел, на первых послевоенных перевыборах партийных комитетов (1947 г.) были провалены ряд предложенных составов районных комитетов партии и один обком (Измаил). Если так вели себя коммунисты, без Сталина такие настроения могли выйти за пределы партии и привести к открытому протесту масс. Верхи об этом знали и боялись такого поворота дел: расстрел в Новочеркасске (1962 г.) [30] обнаружил эти опасения.

Губительным для СССР в это время и позднее стало положение науки об обществе. Наука за годы войны понесла серьезные потери. На относительно развитой Украине 30 руководителей вузов и 339 руководителей кафедр вузов не имели ученых степеней и званий [31]. Но не это определяло состояние общественных наук. Был страх сказать правду: "никто не осмеливается говорить открыто" [5, с. 374], в данном случае, о положении в сельском хозяйстве. У ученых не было возможности, каналов обсуждения проблем общества. Как свидетельствует "дело академика Варги", его выводы (о плановом капитализме, возможности глубоких реформ в странах Запада и др.), объявленные антимарксистскими [32], намечали альтернативу политике, основанной на сталинском "марксизме-ленинизме". Формировалась привычка руководствоваться не научными данными, а "указаниями". Догмы: концепция двух противостоящих лагерей; подчинение интересам СССР того, что стало социалистическим лагерем; ошибочные представления о мире во второй половине столетия, - свели к концу века на нет достижения СССР, включая научно-технические и военно-политические.

Марксизм-ленинизм лишь номинально был самой передовой наукой об обществе. Секретарь ЦК А.А. Кузнецов передает, что Сталин 5 марта 1947 г. в беседе с идеологической верхушкой ЦК убеждал собеседников, что политическая литература, которую следует изучать "широким массам трудящихся, ... а также нашей интеллигенции, технической интеллигенции" - "это

расширенные биографии вождей", что люди не в состоянии изучать первоисточники [33]. Об уровне представлений Сталина по вопросам экономики позволяет судить его беседа с авторами учебника "Политическая экономия" 15 февраля 1952 г. [5, с. 359-366]. Этот учебник увидел свет после смерти Сталина; при его жизни классикой обществоведения был сталинский "Краткий курс истории ВКП(б)".

Когда Сталин в речи 9 февраля 1946 г. ставил задачу догнать и превзойти зарубежную науку, речь шла о науке, связанной с обороной. Общество, окружавший страну мир фактически не изучались. Хотя Сталин не представил партийному съезду программу партии с задачей строительства коммунизма, практическая политика велась без оценки реального состояния страны. СССР шел к коммунизму, его противники - к неминуемому краху. Но получилось и в этом случае "как всегда".

Элита слабо знала зарубежье. Все сводилось к капиталистическому окружению, военной угрозе, агентам империализма внутри и вне страны [34], подозрительности ко всему иностранному. Партийные, торжественные мероприятия открывались такими залпами: "готовясь развязать третью мировую войну, империалисты..." [35]. 27 октября 1952 г. Сталин на Бюро Президиума ЦК КПСС сетовал на слабую теоретическую подготовку кадров: "Надо иметь людей со знанием языков..., серьезно поставить пропаганду политической экономии и философии, ...знакомить людей с идеологией врагов" [36, с. 33-34]. Но изоляция от внешнего мира (при интенсивной охоте за техническими и военными секретами других государств), от мировой науки об обществе и человеке вела к тому, что мировая держава действовала на мировой арене без адекватных представлений об оппонентах. Пример: Вознесенский на первой послевоенной сессии Верховного Совета СССР в развитие установки Сталина создать в стране самую передовую науку уверенность в способности страны намного обогнать капиталистические государства в науке и технике мотивировал неспособностью последних идти вперед в этой сфере [37, с. 81].

Общий итог 1945-1953 гг. - необходимость перемен в экономическом строительстве, для чего и были проведены на XIX съезде КПСС передвижки в высшем руководстве страны. Однако смерть Сталина оборвала его замыслы. Преемникам вождя досталось тяжелое наследие. Профессор В.П. Наумов имел основания характеризовать ситуацию 1953 г. как чреватую системным конфликтом в СССР и в союзных странах [38]. Активность сначала Берия, а затем Маленкова и Хрущева в значительной мере была нацелена на недопущение такого взрыва. Правда, ГДР и Польшу летом 1953 г. пришлось "умиротворять". Но это отдельная тема. Вернемся к социологической интерпретации изложенного.

По Т. Адорно, социология - рефлексия общества над самим собой. Рефлексия о прошлом нужна современной России. Пятьдесят лет после марта 1953 г. многое изменили, но что-то сохранили как константу нашей истории. В социологии преемственность прошлого и настоящего описывают с помощью теорий "зависимости от пройденного пути" (Path dependency) П. Андерсона, "морфогенеза" М. Арчер [39], процессов *longe duree* (большой протяженности) Алена Турена и др. Нашему читателю наиболее доступны теоретические рамки институциональных матриц [40, 41] российского социолога С.Г. Кирдиной: «...Институциональная матрица "задает" природу общества, определяет его специфику, воспроизводящуюся в ходе исторической эволюции»; "Институциональные матрицы отражают, по нашему мнению, этот незыблемый порядок, который необходимо распознать и действовать в соответствии с его законами"; институциональные матрицы обеспечивают "сохранение, функционирование социума" [41, с. 17, 20].

Сталинское время С.Г. Кирдина рассмотрела по необходимости кратко, как и другие периоды истории России. Более детальное рассмотрение конкретных проблем прошлого - дело исторической социологии. Изложенный выше материал позволяет в рамках этой социологической дисциплины уточнить, конкретизировать содержание институциональных матриц России и связанные с ними перспективы.

Анализ периода 1945-53 гг. показал несколько граней общности матриц дореволюционной, сталинской и современной России. Экономика в 1945-1953 гг. (победоносная, плановая и т.д.) страны страдала серьезными дефектами [42], была неэффективной, часть жизненных задач не были решены (продовольственный вопрос, уровень жизни, эффективность труда, стимулирование инноваций и др.). Действительно огромные успехи плановой экономики в создании средств ведения войны и развитии базовых, добывающих отраслей [43] прикрывали эти факты. Сформировалась тенденция, сохранившаяся до настоящего времени, в первую очередь решать производственные задачи. Человеческие, демографические (после 1946 г. в стране замедлилась рождаемость [42, с. 123]), экологические аспекты хозяйственной политики отодвигались на дальний план. Нельзя сказать, что сейчас экономика России, держась на экспорте нефти, золота, леса, на водке, наконец, эффективна. Речь идет о проедании ресурсов властями, живущими за счет

будущего. Как и тогда, не решены вопросы сельского хозяйства, технических инноваций, интереса к труду, уровня жизни массы граждан.

Политика в рассмотренное время была предельно закрытой, связь власти с народом - односторонней, обратная связь - слабой. Диалог власти с обществом практически отсутствовал. Народ безмолвствовал, как сто, и двести, и триста лет до этого. Социальная и политическая активность жестко регламентировались. Государственный аппарат казался эффективным; организация исполнения - превосходной. Власть имела в лице партии, комсомола, профсоюзов и т.п. каналы связи с обществом. Но это государство было далеким от народа; советская демократия была декларацией. Страна после 1945 г. вела непризнанные войны: внутри, на ряде новых западных территорий, и на восточных границах - в Корею и Китае. В обществе существовали недовольство и протест (частично открытый), грозившие взрывом. Он произойдет - спустя десятилетия.

В этой связи правомерно связать содержащийся в политической матрице России потенциал революции с современностью. Государство продолжает существовать без опоры на общество, низки активность народа и уровень законности. Активны криминальные группы, нередко организованные лучше государственных органов, не говоря уже об обществе. Демократия остается фактически декларацией. Гражданин не сформировался, индивиды не усваивают гражданского поведения, привыкнув, что государство с ними не считается. Народ демонстрирует привычку выживать на грани жизни и смерти. Как не считали потери тогда, не считают людские потери и сейчас.

Идеология патриотизма, находившая отклик в послевоенных условиях, диктовалась с инструментальными целями. Она не была связана с реальными нуждами страны и ее населения. Трудовая мораль обесценилась. Патриотизм пробуждал национализм. Лозунги победы социализма и строительства коммунизма противоречили реалиям даже на уровне здравого смысла. Интернационализм и другие ценности социализма лишались содержания. Проблемы многонационального государства на практике игнорировались, "национальный вопрос" считался решенным.

Повторим: содержание экономической, политической и идеологической матриц требует уточнения, как и перспективы российского социума, оценки претендентов на руководство им. На наш взгляд, следует быть критичнее в оценках текущего состояния и перспектив России. Матрица, описанная С. Кирдиной, не боится от новых революций и оглушительных падений: их возможность обсуждают современные СМИ [43]. Матрица, обнаружившаяся в XX веке как минимум трижды: в 1914-1917, 1941, 1991 гг., призывает несколько умерить оптимизм и относительно возможность общественного консенсуса по базовым проблемам развития страны, общественного диалога [40, с. 254] и т.п. Пока диалог и консенсус - область надежд. Ученые могут быть оптимистами, но научные выводы требуют фактов.

Характер российской институциональной матрицы связан с неспособностью, неумением властей опираться на науку об обществе, а науки - вести диалог с властями. Повторение катаклизмов в большой степени результат неумения российских властей адекватно оценивать реальность страны и окружающего мира. Не усвоены изложенные еще Дюркгеймом азы разделения труда - в нашем случае, ученых и властей. У России и сегодня нет точки отсчета, координат во времени и пространстве. Многое осталось неясным, неизвестным, неопределенным. Как и при Сталине, наука об обществе второсортна. Недоверие к правде, к урокам, опыту, теориям - аспект, обнаружившийся до и после 1945 г., прослеживается вплоть до современности. Тратя деньги на науку об обществе, общество не получает отдачи, которая возможна при институциональном, нормативном закреплении общественной роли науки, хотя бы по известным в мире образцам. Отсутствуют практика дискуссии - публичного обсуждения ориентиров страны в процессах глобализации, расширении Европы на Восток и др. Простой здравый смысл, заученные формулы - стандарт мышления руководителей. Привычка вырабатывать политику без опоры на экспертов, опираясь на доверенных людей, на подчиненный чиновный люд, даже знающий дело и волевой, без институционализации роль науки в обществе - в итоге не ведет никуда.

Прошлое время от времени напоминает о себе. После дефолта 1998 г. вспомнили послевоенную карточную систему. Сейчас вспоминают революцию. Но сколько можно демонстрировать безразличие к прошлому страны? Том документов о власти в 1945-1953 гг. увидел свет в рамках проекта INTAS "Критическое издание источников изучения советской истории и общества"; в научном совете и редколлегии серии большинство иностранцы, что позволяет предположить и зарубежный канал финансирования. Составители тома жалуются на трудности получения документов из государственных архивов [5, с. 14, 16, 17]. Советская история для властей России, вероятно, представляется закрытой и ненужной. С точки зрения исторической социоло-

гии, это не может не вселять тревогу за будущее общества. Как минимум, изложенное выше показывает: фундаментальному исследованию истории страны в XX веке следовало бы придать статус президентской или федеральной программы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Tucker R.* Stalin in Power. The revolution from above, 1929-1941. NY -L., 1992.
2. *Ферретти М.* Расстройство памяти: Россия и сталинизм // Мониторинг Ом: экономические и социальные перемены. 2002. № 5.
3. *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР 1920-1950-е годы. М. 1996; *Быстрова И.В.* Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны (Вторая половина 40-х - начало 60-х годов). М. 2000; *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М. 2001; *Лихоя Р.Г.* Советский Союз: История власти. 1945-1991. М. 1998; Советское общество: будни холодной войны / Под ред. *В.С. Лельчука, Г.Ш. Сагатеяна*. М. 2000; Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) - ВКП(б) / Сост. *В.Д. Есаков*. М. 2000; и др.
4. *И.Б. Орлов, А.Я. Лившин.* Социологический анализ "писем во власть" (1917-1927-е годы) // Социол. исслед. 1999. № 2; Рецензия (*А.М. Никулин*) на: "Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы". Т. 1. М. 1999; Т. 2. М. 2000; Т. 3. М. 2001 // Социол. исслед. 2002. № 6.
5. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945-1953. Составители *О. Хлевнюк и др.* М. РОССПЭН. 2002. 656 с.
6. *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы. 1945-1964. М. 1993; *она же.* Послевоенное общество: политика и повседневность 1945-1953. М. 1999.
7. *Elias N.* The Retreat of Sociologist into the Present // Theory, Culture, and Society. 1987. № 4.
8. *Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи. М. 1996.
9. Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т.П. Атомная бомба. 1945-1954. Ч. 1 / Под общ. ред. *Л.Д. Рябева*. М. 1999.
10. Известия, 2002, 25 октября.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116, ед. хр. 276, л. 112 (в списке свыше ста человек); ед. хр. 288, л. 118 и др.
12. История СССР. Т. XI. 1945-1961. М. 1980, с. 241; Основные проблемы упрочения и развития социализма в СССР. Т. 1. М. 1984, с. 240, 242.
13. *Сталин И.В.* Речь на предвыборном собрании избирателей. 9 февраля 1946 г. М. 1946.
14. РГАСПИ. Ф. 629 (коллекция документов П.Н. Поспелова - одного из авторов проекта программы 1947 г.). Оп. 1, ед. хр. 60.
15. *Данилов А.А., Пыжиков А.В.* Рождение сверхдержавы в первые послевоенные годы. М. 2001.
16. РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1, ед. хр. 907, л. 76.
17. *Судоплатов А.П.* Тайная жизнь генерала Судоплатова: Правда и вымыслы о моем отце. Кн. 2. М. 1998.
18. Отечественная история. 1998. № 6.
19. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. Изд. 7-е. М. 1953.
20. Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949 гг. Документы и материалы. М. 1998.
21. РГАСПИ. Ф. 386. Оп. 1, ед. хр. 29, л. 13. Ед. хр. 80, л. 2.
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131, ед. хр. 314 (записка Г.М. Маленкову "О некоторых вопросах работы государственного аппарата" от 14 апреля 1952 г.), л. 65.
23. *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991.
24. *Столяров К.А.* Палачи и жертвы. М. 1998.
25. *Kennan G.* Memoirs. 1925-1950. Boston-Toronto. 1967.
26. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131, ед. хр. 286, л. 28 (информационный материал по Узбекистану в ЦК ВКП(б), февраль 1952 г.).
27. XIV съезд КП(б) Грузии. Стен. отчет. Тбилиси. 1949. С. 155.
28. Заря Востока. 16 сентября 1952, с. 3 (материалы XV съезда КП Грузии).
29. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131, ед. хр. 196, л. 1, 48; ед. хр. 197, л. 92, 101, 102.
30. Новочеркасская трагедия, 1962 // Истор. архив. 1993. №№ 1, 4.
31. XVII съезд КП(б)У 23-27 сент. 1952 г. Материалы. К. 1953. С. 64-65.

32. Варга Е.С. Изменения в экономике капитализма в итоге второй мировой войны. М., 1946. Дискуссия в Институте экономики АН СССР в конце 1947 г. была продолжена на резких нотах в октябре 1948 г. на расширенной сессии ученого совета Института после статьи в журнале "Большевик" (1947 г. № 17, с. 57-64). Стенограмму обсуждения см. в журнале "Вопросы экономики" 1948 г. № 3, № 9. В № 3 за 1949 г. обнародована самокритика Варги (с. 79-82).
33. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121, ед. хр. 640, л. 29.
34. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122, ед. хр. 258, л. 3 об. (Дело Ключевой и Роскина).
35. Отчетный доклад секретаря ЦК КП Латвии - Советская Латвия, 26 сентября 1952 г.
36. Вопросы истории, 1998. № 7.
37. Верховный Совет СССР. Сессия 12-19 марта 1946 г. М., 1946.
38. Наумов В.П. О состоянии советского общества в 1953 г. // Новая и новейшая история. 1996. № 4; а также: Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953-начало 1980-х гг.). Новосибирск. 1999.
39. Archer M. Morphogenesis versus Structuration: on Combining Structure and Action // British Journal of Sociology. 1982. Vol. 33; Она же. Реализм и морфогенез / Теория общества. М., 1999, с. 157-199.
40. Курдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск. 2001.
41. Она же. Институциональные матрицы: макросоциологическая объяснительная гипотеза // Социол. исслед. 2001, № 2.
42. В.П. Попов. Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны (1948-1953). М. 2002.
43. Соловей В. Призрак революции вернулся // ЛГ. 2002. № 49, с. 1-2.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 03-03-00057а)

Коротко о книгах

© 2003 г.

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО. КРАТКИЙ СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК (Ред. кол.: Н.Н. Гриценко, Г.А. Николаев, Ф.И. Шарков и др. М., 2002. 448 с.

Данное издание - первый в истории России словарь-справочник, посвященный проблемам строительства социального государства. Книга представляет интерес для исследователей, изучающих данные проблемы, ученых-обществоведов, в том числе и молодых, а также преподавателей, аспирантов и студентов вузов. Формирование социального государства в постсоветской России находится в самом начале концептуальной, нормативной, практической разработки. Научные исследования, связанные с этими проблемами, только начинаются. Но в Конституции Российской Федерации определены цели, основные параметры сущности социальной политики, без которых принцип социального

государства будет выглядеть декларацией. Современному социальному государству свойственно не только закрепление соответствующего принципа в Конституции, но и наличие эффективной социальной политики, эффективной социальной рыночной экономики, обеспечивающих высокую занятость и заработную плату; развитое социальное страхование; поддержку семьи, материнства и детства, заботу о престарелых, молодежи; развитие доступного для всех образования, здравоохранения, культуры и многое другое. Выход в свет словаря-справочника "Социальное государство" должен содействовать решению проблем становления и развития правовой и научной базы, механизмов, культуры и практики функционирования социального государства, обеспечения его кадрами новой формации. Издание содержит около 300 терминов, отражающих теорию и практику строительства социального государства.

Т. ВИКТОРОВ